

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**XXV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

**«ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА
В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»**

22–24 апреля 2009

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

**Санкт-Петербург
2009**

**СЕКЦИЯ 14.
ШКОЛА МОЛОДОГО ВОСТОКОВЕДА-2009
YOUNG SCHOLARS' SECTION**

**С.В.Бабаева
(ВФ СПбГУ)**

Монгольские версии «Истории о царевице Манибхадари»

В данной статье мы имеем целью описание монгольских версий «Истории о царевице Манибхадари», имеющих в хранилищах Санкт-Петербурга и Улан-Батора, и их соотнесение с тибетскими и санскритскими версиями, насколько это возможно.

«История о царевице Манибхадари» (другой вариант имени – Sudhana, тиб. Nor-bzang, монг. Sayin ede-tü, Sayin Erdene) представляет собой джатаку, т.е. повествование о прошлых жизнях Будды, индийского происхождения. В основе сюжета лежит древнеиндийская волшебная сказка об охотнике и лебединой деве, пойманной им на озере. Известно, что буддийские монахи в своих проповедях использовали фольклорные сюжеты для доступного объяснения сложных философских положений. Эта джатака была переведена на тибетский, и нам известно три версии ее, содержащиеся в сборниках буддийского канона Кангьюре и Тенгьюре. Также она использовалась тибетскими авторами при написании отдельных произведений, такими как Карма Ранджун Дордже (1284–1339) в произведении «Сто джатак Будды», тибетский писатель XVIII века Цэринг Вандуй в романе «Повествование о Норсане – дхармарадже». Сюжет джатаки о Манибхадари оказался настолько популярным, что она была включена в список театральных представлений, исполняемых во время празднеств.

Затем, с переводом на монгольский язык вышеупомянутых Кангьюра и Тенгьюра (XVII–XVIII века) и наступлением «второй волны» распространения буддизма, эта джатака стала известна и в Монголии. Помимо того, что сохранилось большое количество переводов данной джатаки, она также была популярна в народной среде, о чем свидетельствуют многочисленные устные варианты джатаки, зафиксированные Потаниным Г.Н., Позднеевым А.М., Санжеевым Г.Д., Поппе Н.Н. и т.д., и бытовавшие не только среди халха-монголов, но и среди калмыков и бурят.

Связи между санскритскими и тибетскими версиями были рассмотрены в статье С.Джайни «История о Судхане и Манохаре». Опираясь на данную статью, опишем изученные нами монгольские версии в их связи с тибетскими и санскритскими версиями.

Из двенадцати монгольских версий три восходят к тибетскому тексту из Кангьюра, раздел Виная, и, соответственно, к «Судханакумара-авадане». Два текста восходят к тибетской версии из 181 тома Тенгьюра, составленной Суба Индра (тиб. dge ba'i dbang po), и, соответственно, к «Судханакиннари-авадане». Шесть текстов являются переводами сочинения Карма Ранджун Дордже. Один текст имеет своеобразный сюжет, отличающийся от вышеперечисленных, что говорит о том, что либо эта версия является монгольской переработкой данной джатаки, либо ее тибетский оригинал не сохранился.

А.У.Богдалова

(ИВ Казанского ГУ, Казань)

Юсуф Акчура и его оценки младотурецкой революции (по материалам газеты «Вақыт»)

Юсуф Акчура (Акчурин) – видный общественный деятель, выходец с Поволжья, эмигрировавший в Турцию, учившийся в Сорбонне, сформулировал фактически идеологию Турецкой республики, господствовавшую безраздельно на протяжении почти всего XX века, советник Ататюрка по вопросам культуры и политики. Он написал книгу «Три вида политики», где изложил свое видение возможных идеологий для турецкого государства и порекомендовал, на его взгляд, наиболее оптимальную из них.

Он посылал статьи с описанием событий в Османской империи, которым он был свидетелем, и с анализом сложившейся на тот момент ситуации, в татарскую газету «Вақыт». Статьи Юсуфа Акчуры в газете «Вақыт» – одном из наиболее серьезных изданий, отличавшимся аналитическим подходом, печатаются с 23 ноября 1908 г.

В статьях из цикла «Дар аль халифаттан», «Османлы мэжлес-е мебусан ачылышы», «Торкиядэге межлес-е мебусан сайлаулары» Юсуф Акчура описывает атмосферу послереволюционного Стамбула, восторг народа по поводу объявления конституции, однако отмечает недостаточную развитость политического сознания народа, его неспособность делать выбор. Он отмечает, что направляют народ в основном младотурки и он выбирает тех, кого ему укажет «Общество», подразумевая под обществом «Единение и прогресс». Также он упоминает о политической апатии стамбульцев – самой просвещенной части населения империи и о том, что они не придали выборам никакого значения.

С другой стороны, он признается, что первоначально не считал младотурков способными совершить какие-либо реальные действия. Он подчеркивает, что даже после прихода младотурков к власти людей,

способных правильно поставить дело и заботящихся о народе, не стало больше, а младотурки, от которых ожидали великих свершений, придя во власть, переняли многие пороки предыдущей системы. Он отмечает, что таких деятелей, как например, Мурат-бея, немало послужившего делу установления конституционной монархии и свободы, ругают как реакционера, а о многих старых министрах говорится как об источнике всяческих добродетелей.

В целом, Юсуф Акчура приходит к выводу, что ситуация в Стамбуле, который в то время являлся выразителем политических веяний всей Турции, была крайне нестабильной. Однако общее состояние дел в Османской империи при младотурках он все же оценивает как прекрасное и отмечает, что «в каждой части государства Османов прогресс и развитие дошли до такого совершенства, что это несколько путает планы вражеской Австрии и Болгарии» [«Вақыт», 1908, № 398].

Е.А.Гапонова
(ВФ СПбГУ)

*Гоа и Великие Моголы по материалам выставки
в Calouste Gulbenkian Museum, Лиссабон¹*

Контакты между Могольской империей и португальцами в Индии, начавшиеся в 1530-х годах, имели скорее мирный характер, давали развитие не только торговле, дипломатическим отношениям и работе миссионеров, но и взаимному влиянию в области культуры и искусства. Запад стремился распространять христианские ценности, а Восток демонстрировал космополитное любопытство в отношении новых религиозных идей. Одним из результатов этого стало создание предметов искусства, в которых обе цивилизации пересматривали свои позиции, идеи, вкусы и стиль.

Под эгидой Calouste Gulbenkian Foundation в рамках проекта «Goa and the Great Mughal» была организована выставка в Calouste Gulbenkian Museum в Лиссабоне и опубликован анализ задействованных в выставке предметов искусства и различных точек зрения на взаимоотношения португальского Гоа и Могольского двора.

Одной из целей проекта стало привлечение внимания к важности Старого Гоа как города, сочетавшего в себе власть, религию, торговлю и многонациональный котел. Это создало гибрид, который становился

---

¹ За предоставленные материалы выражаю благодарность Соболевой Елене Станиславовне (МАЭ).

очевиден из искусства и городской архитектуры и глубоко поражал каждого путешественника 16–17 веков.

Другой задачей было поднять статус португальских описаний Могольской империи. Они представляют собой впечатления самых первых европейцев, попавших к Могольскому двору. С 17 в. португальские источники часто обходили стороной, исследуя в большей степени английские и голландские тексты, которые до сих пор намного более известны. А усиленное изучение морской истории Португалии затмевало ее континентальные контакты в Индии.

Е.А.Гирченко

(НГУ, Новосибирск)

*Культура Саньсиндуй бронзового века
в работах китайских исследователей*

Долгое время информация «Исторических записок» Сыма Цяня о существовании во II тысячелетии до н.э. на территории Сычуаньской впадины некоего государства Шу (Сыма Цянь, 1972, с. 185) не подтверждалась археологическими находками. О нем рассказывали предания народов Сычуани, которые не могли восприниматься как достоверные источники. Впрочем, многочисленные летописные сведения о Шу чжоуского, циньского и ханьского времени всегда считались достоверными. Поэтому, когда весной 1929 г. в Сычуани, в местечке Саньсиндуй, на территории, где предположительно существовало древнее Шу, было обнаружено скопление нефритовых предметов, никогда ранее не встречавшихся, а в 1986 г. были обнаружены две жертвенные ямы с бронзовыми, нефритовыми и каменными находками, достоверность преданий о Шу шанского времени начала подтверждаться, и о Саньсиндуй стали говорить уже как о культуре. В 2001 г. был открыт еще один памятник в Цзиньша.

Вплоть до настоящего момента исследователи не сошлись во мнениях относительно этнической принадлежности древних шусцев, так, например, бронзовые маски и головы, найденные в Саньсиндуй, имеют крупный нос и большие глаза, также, в большинстве случаев, находки загадочно улыбаются, что было несвойственно для культуры китайской Центральной равнины того времени. Одни исследователи утверждают, что обитатели Сычуаньской впадины пришли с территории современных провинций северо-запада Китая Шэньси, Ганьсу, Цинхай, другие говорят, что это легендарные саньмяо, народ, пришедший со среднего течения Янцзы. Существует и точка зрения, что древние шусцы пришли с Центральной равнины, где зародилась вся китайская цивилизация. Есть исследователи, указывающие на европеоидные черты

(Кравцова М.Е., 2003, с. 102). Хронологические рамки сычуаньских находок также согласуются с географическими и хронологическими схемами индоевропейских миграций. В российском китаеведении данной культуре не уделяется должное внимание.

Ю.В.Зинькина
(Казанский ГУ, Казань)

Современная коптская община: проблемы культовых сооружений

Строительство коптских культовых сооружений выделяется в качестве одной из основных проблем коптской общины. Вплоть до 1999 г. строительство и ремонт немусульманских культовых сооружений регламентировались Указом Хамайуни, действовавшим со времен османского законодательства. Согласно этому указу, новая церковь могла быть построена только в случае соблюдения 10 определенных условий, среди которых были отсутствие церквей на близлежащих территориях, согласие местных мусульман, одобрение министерства ирригации и др.

Более того, даже получение формального разрешения само по себе отнюдь не гарантировало его скорого практического воплощения. В целом ряде случаев церкви так и не были построены даже после получения разрешения, вследствие бюрократических проволочек.

Сложность получения разрешения на строительство или ремонт церкви в сочетании с увеличением коптского населения за счет естественного прироста привела к тому, что в некоторых регионах отправление религиозного культа для коптов становилось крайне затруднительным. В результате этого под церкви приспособлялись места, исходно не предназначенные для отправления религиозного культа.

В начале декабря 2005 г. президент Мубарак передал власть над выдачей разрешений на расширение и перестройку церквей местным властям. Указ также утверждал право церквей проводить капитальный ремонт после простого предоставления письменного уведомления местным властям. Губернаторы обязаны рассматривать все заявления в течение 30 дней со дня подачи, отказ должен быть обоснован. Однако продолжающиеся жалобы представителей коптской общины свидетельствуют о том, что этот указ мало изменил положение вещей.

Тем не менее, очевидно, что темпы роста числа церквей в Египте по-прежнему не отвечают потребностям коптской общины в ее современной численности. Сложно судить о точном количестве существующих церквей, равно как и о точной численности коптской общины, однако очевидно, что нехватка культовых сооружений, а также

неоднозначное отношение правительства к строительству и ремонту коптских церквей (формальное разрешение без практической реализации) в настоящее время продолжают оставаться одними из наиболее существенных проблем коптской общины.

Ю.В.Иванова

(ДВГУ, Владивосток)

Конфликт поколений в русской и японской литературах

«Конфликт поколений» – вечная, широко распространенная тема, которая не утратила актуальности в XXI веке. В XX столетии проблему «старого и нового» изучала японская писательница Ариёси Савако в романе «Кинокава», в XIX – «процессу смены поколений» уделил внимание Тургенев в произведении «Отцы и дети». Эти книги стали наиболее ярким примером глубокого анализа темы в литературах разных эпох и стран.

В романе «Отцы и дети» Тургенева показаны представители двух поколений – Николай Петрович Кирсанов и Евгений Васильевич Базаров. Кирсанов олицетворяет тип человека, в жизни которого самую важную роль играют усвоенные от отцов и дедов традиции. Его можно сравнить с образом матери из романа «Кинокава» Ариёси Савако. Хана, мать, отличалась изысканностью манер и вкуса, приверженностью к «старому» укладу жизни, любовью к красоте.

Ее дочь, Фумио, подобно Базарову с детства отличалась бунтарским характером. Если у Тургенева Базаров – нигилист, пропитанный революционной теорией, которая была смыслом его жизни, то Фумио – представительница женского течения, которое выражало протест против общества, где правили мужчины. Девушка поднимала проблему взаимоотношений полов в Японии в XX веке. Интерес к новому веянию подогревается детским конфликтом с матерью и семьей. Фумио воспитывали как дочь политика: «отпрыска высокородного семейства с впечатляющим именем и землями, которые передаются из поколения в поколение», насильственно прививали традиционные ценности, подавляя самовыражение. Таким образом, уйдя из-под опеки родителей, дочь Ханы пыталась сбросить ярлык, который на нее повесили, и доказать себе и матери, что способна построить жизнь иначе, добиться желаемого без влиятельного отца. За чрезмерное увлечение «новыми» веяниями, бунтами и пренебрежением японскими традициями автор наказала бунтарку и вернула к истокам. Тургенев оставил Базарова в полном одиночестве, наедине со смертью, которую «попробуй отрицать», она сама «тебя отрицает». В двух произведениях отчетливо прозвучала идея о том, что только осознание человеком своих корней, связи с прошлым дает ему право надеяться на

будущее.

В заключительной части романа «Кинокава» появляется Ханako – дочь Фумио, которая стала воплощением замыслов матери и сохранила приверженность бабушки к истинной красоте Японии.

Тургенев закончил роман трагичной смертью бунтующего героя, показав несостоятельность нигилизма. Японская писательница создает новый тип человека XXI века как прекрасный симбиоз культур XX и XIX столетий.

М.А.Кудинова

(НГУ, Новосибирск)

Данные мифологии и фольклора о культуре собаки в Древнем Китае¹

Образ собаки занимает важное место в мифологии, фольклоре, обрядах и ритуалах народов Китая. Она была, по всей видимости, тотемным животным у ряда народов Южного Китая. У *яо*, *мяо*, *шэ*, *носу*, *ли* и др. сохранились мифы о происхождении от собаки. Причем мотив происхождения от собаки в них нередко сочетается с мотивами происхождения из яйца или от божества грома, а также с мотивом путешествия по воде. Кроме того, у *яо* и *шэ* существует запрет на употребление в пищу собачьего мяса. Однако в периоды катастрофического голода народы группы *мяо-яо* практиковали обрядовое поедание мяса собаки как своего тотемного предка. К этому обычаю, возможно, восходит и традиция употребления собачьего мяса, до сих пор распространенная в Китае.

Выступая в качестве тотемного животного, собака отвечала и за обеспечение людей продуктами питания, поэтому собака нередко выступала в мифах и в качестве культурного героя. Распространены предания о том, что собака впервые принесла людям зерна риса или вообще всех известных злаков. Этими представлениями было обусловлено существование обычая жертвоприношения первых плодов, включавшего в себя жертвоприношения духам предков и собаке. В восточной части провинции Цинхай было распространено «собачье» гадание. Заключалось оно в том, что в первый день Нового года перед тем, как сесть за стол, на тарелке раскладывали разную еду и ставили тарелку перед собакой. Считалось, что урожай продукта, который собака предпочтет съесть первым, будет самым обильным, в соответствии с этим гаданием впоследствии распределяли землю под

---

¹ Работа выполнена по программе Рособразования, проект РНП 2.2.1.1.2183.

различные посадки. В мифе о собаке, приносящей рис, проявляется связь аграрного культа и культа предков, характерная для многих культур.

Таким образом, в древности собака почиталась многими народами Китая как тотемный предок, от которого зависит благополучие коллектива людей. У многих народов Восточной и Юго-Восточной Азии, почитавших собаку как своего предка, существовало представление о связи собаки со стихией воды, ее близости к силам плодородия и жизни. Эти идеи нашли отражение в мифах о происхождении от собаки, в мифах о собаке как культурном герое и защитнике людей. Позднее эти представления были вытеснены в фольклор (легенды, сказки, пословицы, поговорки), где собака выступает как волшебный помощник, защитник и спаситель героев.

**В. Кудояров
(ВФ СПбГУ)**

***Освоение целины как часть политики Танума Окицугу (1719–1788)
по преодолению финансового кризиса Токугава бакуфу 2-й пол.XVIII в.***

Первые попытки освоения целины в Японии предпринимались еще в период *Нара* (710–784). Новые рисовые поля появлялись и в в эпоху «сражающихся провинций» *сэнгоку дзидай* (1467–1568). Начало правления династии сёгунов *Токугава* (1603–1867) характеризуется постепенным увеличением посевной площади за счет освоения новых земель, при этом развитие техники сделало возможным и осушение болот.

В XVII – начале XVIII века право на освоение целины получили чиновники-заместители *дайкан*, старосты, зажиточные крестьяне *го:но:*, *го:си*, купцы, а также феодалы, стремившиеся за счет этого увеличить свои доходы.

В XVIII веке из-за прекращения роста урожая риса процессы освоения новых земель, с которых взимался налог *нэнгу*, усилились. Так, активное поднятие целины происходит при *Токугава Ёсимунэ* (1684–1751, правил в 1716–1745), когда чиновники, руководившие работами по поднятию нови, получили право на 10% доходов с этих земель. С этого времени к поднятию целины стал широко привлекаться торгово-ростовщический капитал.

Освоение новых земель было также одним из аспектов политики *Танума Окицугу* по улучшению тяжелого финансового положения *Токугава бакуфу* во второй половине XVIII века. Среди мероприятий *Танума* в этой сфере была попытка возделывания низменностей города *Эдо* с последующей сдачей в аренду обработанной земли. Подобные

шаги критиковались противниками *Танума*: на освоенной земле строились бани и публичные дома. Однако вплоть до падения *Танума* (1786) *бакуфу* получало большую прибыль с этих земель.

Особый интерес представляет план *Танума* по увеличению площади пахотных земель путем полного осушения двух крупных болот *Имбанума* и *Тэганума* недалеко от Эдо. Подобные попытки были предприняты еще в 1728 году, но они провалились из-за сильных дождей.

Танума для реализации этих своих целей привлек купеческий капитал. Проект финансировали два богатых купца: Тэнно:дзия Тохатино: из Осака и Хасэгава Сингоро: из Эдо. Работы по осушению болот начались в 1782 г., но вскоре были прерваны из-за плохой погоды. Их возобновление в 1786 году позволило соорудить канал, необходимый для осушения болот. Работы были почти завершены, но крупное наводнение, а также извержение вулкана *Асама* уничтожили все результаты. 24 августа 1786 года правительство *Токугава* в связи с отсутствием средств и захлестнувшими страну крестьянскими бунтами и городскими погромами *утиковаси* объявило о прекращении работ по осушению болот. В 1786 году Танума был смещен, и его планы по освоению нови были свернуты пришедшим к власти Мацудайра Саданобу (1758–1829).

Несмотря на жесткую критику, меры *Танума* по освоению целины привели к частичному разрешению продовольственной проблемы в районе Эдо в голодные годы *Тэммэй* (1782–1787). Успешное осушение *Имбанума* и *Тэганума* обеспечило бы обширную площадь поднятой нови для рисосеяния и сбора налога нэнгу, упростило бы доставку риса в Эдо. Окончательно оба болота были осушены лишь в 1969 году.

Е.С.Лосева

(НГУ, Новосибирск)

***Особенности традиционных игр
как отражение национальной психологии корейцев¹***

По мнению большинства исследователей, игровая культура является одним из наиболее показательных и устойчивых элементов национальной специфики. В связи с этим можно утверждать, что именно в контексте игровой деятельности той или иной нации можно понять особенности ее духовной культуры.

Специфика корейских игр и традиционных развлечений во многом

---

¹ Работа выполнена по программе Рособразования, проект РНП 2.2.1.1.2183.

обусловлена положением Кореи в историко-культурном и географическом пространстве. Корейская духовная культура традиционно развивалась под влиянием культур Китая и Японии.

Примером этого может служить распространение в Корее японской игры в цветочные карты *хватху* (яп. *ханафуда*). Однако если для Китая и Японии познавательно-воспитательный фактор восприятия карточных развлечений всегда естественно сочетался с состязательностью, для Кореи приоритет всегда состоял в спортивно-азартном характере игр.

В Корее сохранились и игры, анализ которых дает основание предполагать в них наличие следов материковой культуры Китая и Монголии. Среди них традиционные игры: *ют* и ее разновидность *сынгёндэ*, метание стрел в кувшин *тхухо*, карты *тхуджон*, шахматы *чанги*, шашки *падук*, домино *гольпхэ*. Большинство этих игр является стратегическими; играют в них командами.

Данные игры являются чрезвычайно показательными для корейской игровой культуры в целом. В большей степени это проявляется в их агонистичности (следствие характерного для корейцев взгляда на жизнь как соревнования). Также специфика традиционных корейских игр ясно видна в их социальности: объединение людей, принимающих участие в игре, позволяет использовать игры для моделирования реальных ситуаций, что способствует адаптации человека в коллективе.

Таким образом, можно предположить, что особенности традиционных корейских игр заключаются в уникальном сплаве их эстетичности, повышающей в некотором роде игру до уровня культуры, а также социальности и агонистичности, что вместе дает возможность судить о характере народа в целом.

М.Н.Малашевская
(ВФ СПбГУ)

***«Доктрина Ёсида» – центральная идеологическая концепция
противостояния Японии и СССР***

«Доктрина Ёсида» появилась в Японии в конце 1940 – начале 50-х годов, как доктрина модернизации, демократизации и демилитаризации страны посредством стратегического альянса с США. Свое название она получила по имени премьер-министра Японии Ёсида Сигэру, занимавшего этот пост пять раз с 1946 по 1954 годы (т.н. «Эра Ёсида»). Поддерживая тесные связи с американской оккупационной администрацией, Ёсида проводил политику обновления страны на базе создания военно-стратегического альянса с США. В результате в 1951 году был заключен Договор о безопасности с США, согласно которому

вопросы безопасности Япония перепоручала США. В СССР Японию с того момента стали называть «азиатским бастионом» США.

Три принципа «Доктрины Ёсида»: 1. Центральное положение альянса с США; 2. Сохранение собственной обороноспособности на минимальном уровне; 3. Использование высвободившихся за счет военного альянса с США ресурсов для экономического роста.

Доктрина Ёсида является основой внешней политики Японии вплоть до настоящего времени. Более того, она коренным образом повлияла на формирование «Новой Японии».

В связи с ориентацией на США, Япония в условиях холодной войны демонстрировала оппозицию соцстранам во главе с СССР.

Однако внедрение «Доктрины» в жизнь Японии было обусловлено не только стратегическим выбором, но и историко-культурным опытом страны. Так, в период раннего Средневековья японская правящая верхушка и вслед за ней общество перенимали государственный, религиозный и культурный опыт высокоразвитого Китая, считая культуру Срединной империи эталонной. В период Мэйдзи на широкие рельсы была поставлена адаптация принципов западной культуры. В послевоенный период происходила масштабная американизация, когда культура Америки стала эталоном. Впоследствии «засилье» чужой культуры приводило к национализму и комплексам в обществе, но параллельно происходило «переваривание» нового и укладывание его в японскую картину мира.

В этой картине мира существует определенная (конфуцианская) иерархия и взаимозависимость внутри японского общества, принципы этой иерархии перекладываются и на международные отношения. Япония выстроила пирамиду, во главе которой расположен ее стратегический партнер, и ниже – страны по степени важности для экономики и политики Японии. СССР стоял за рамками такой иерархии, являясь государством-противником стратегического выбора Японии. Помимо этого, тесные связи с СССР нарушили бы обязательства Японии перед США. Поэтому отношения с северным соседом Япония выстраивала с позиций своих жизненных экономических интересов (промысел рыбы, лесозаготовки). На открытую конфронтацию Япония не шла, учитывая возможность нарушения геополитического баланса в регионе, возможность социального взрыва внутри страны, критику со стороны государств Восточной и Юго-Восточной Азии, и не будучи полностью уверенной в поддержке США.

Ю.О.Милосердова
(НГУ, Новосибирск)

Специфика жанра «кайдан» в японской литературе эпохи Эдо¹

Литературный жанр *кайдан* – «истории об удивительном» – одно из самых интересных явлений японской литературы периода Эдо (1600–1868), однако работы по этой теме в отечественном японоведении практически отсутствуют.

В связи с этим представляется необходимым охарактеризовать специфические особенности жанра в диахронном аспекте его развития в период с первой трети XVII до конца XIX вв.

Жанр *кайдан*, несомненно, имеет фольклорное происхождение. В сюжетах рассказов можно найти фольклорные элементы (понятия «границы», табу, характерные для ранних обществ). *Кайдан* уникален также как результат переработки в русле японской традиции многочисленных культурных влияний (синто, буддизм, даосизм; китайские «истории об удивительном», буддийская проза *эцува*). Рассказы *кайдан* отличаются от других жанров литературы Эдо специфическая система образов и сюжетных мотивов, развлекательное предназначение, установка на достоверность сюжета.

До 20-х гг. XVII в. жанр существовал в устной культуре, но с начала эпохи Эдо формируется литературная традиция «страшного рассказа». В связи представляется целесообразным проследить, как в истории развития жанра отразились особенности развития «новой литературы» периода Эдо. Особое внимание уделяется проблеме развития повествовательных техник, в частности, значению фигуры рассказчика.

В эпоху Мэйдзи *кайдан* переживает период упадка и постепенно сходит на нет. Исчезновение из литературной жизни столь популярного прежде жанра указывает на несоответствие основных его особенностей меняющимся запросам эпохи и современной авторской литературы.

Необходимо представляется также рассмотрение проблемы взаимодействия литературного жанра *кайдан* и схожих по тематике жанров изобразительного и декоративно-прикладного искусства (живопись, гравюра, *нэцкэ* и др.), поскольку литература «страшного рассказа» являлась только частью целой культуры мистического, пик развития которой приходится именно на период Эдо.

---

¹ Работа выполнена по программе Рособразования, проект РНП 2.2.1.1.2183.

*А.Р.Минезулова
(Казанский ГУ, Казань)*

К вопросу о религиозной ситуации в Улусе Джучи

История Улуса Джучи все еще продолжает оставаться недостаточно изученной, некоторые вопросы по разным причинам остаются слабо разработанными. Одним из таких вопросов является проблема изучения религиозной ситуации в Золотой Орде.

Религиозную ситуацию в Улусе Джучи мы попытаемся проследить, начиная с эпохи формирования государственности и идеологии (шаманизм и христианство несторианского толка) и до упадка Золотой Орды (ислам). На протяжении всего периода существования этого государства ее правителями проводилась политика терпимости по отношению к представителям других религий.

К моменту завоевания монголами Срединной Евразии на этой территории мы наблюдаем сложную и неустойчивую конфессиональную ситуацию. В этот период правителями государств данного региона начинают активно внедряться монотеистические религии, но они не исповедовались широкими кругами населения, поскольку основная масса народа продолжала стойко держаться своих племенных культов. Монгольское вторжение привело к изменению общей религиозной картины Евразии, так как старые государственные и племенные структуры были разрушены. Иными словами, оно привело к изменению не только геополитической картины, но и государственно-племенной, этносоциальной структуры, а также отразилось на религиозных представлениях этих народов.

Для представления религиозной ситуации в Золотой Орде, отражения роли религии в контексте отношений различных народов мы обратились к русским летописям. Неотъемлемыми частями изложения материала в русских летописях (как и во всех письменных источниках, созданных в Средние века) являются обращение к сакральным источникам (Ветхий Завет, Библия) во время оценки действий тех или иных личностей и вплетение в фактологический материал эмоционально окрашенной информации.

Информацию в русских летописях о религиозной ситуации в Золотой Орде можно подразделить на следующие составляющие:

1. факты, дающие информацию о религии ордынцев:
  - а) о верованиях монголов-язычников,
  - б) о принятии ислама;
2. факты, дающие информацию о конфронтации между русскими и ордынцами по религиозным причинам;
3. факты, свидетельствующие о терпимом отношении к христианству;

4. об ордынцах, перешедших в христианство;
5. о русских, принявших ислам.

П.П.Николаев
(ВФ СПбГУ)

***Энергетическая безопасность Китая, как ключевой аспект
китайско-пакистанских отношений: строительство порта Гвадар
и прокладка Торгово-энергетического коридора***

Как известно, отношения КНР и Пакистана уже давно можно признать как отношения стратегического партнерства. В 1990-х гг. эти отношения получили новый стимул в свете проводимой Пекином стратегии энергетической безопасности.

В 1990-х гг. для поддержания экономического роста Китай значительно увеличил долю нефти и газа в своем энергопотреблении. Это поставило его в зависимость от поставок энергоносителей из стран Персидского залива, а с конца 90-х гг. – из богатых нефтью стран Африки. Экспорт нефти из этих регионов в Китай осуществляется по Индийскому океану, что составляет 77% от суммарного экспорта нефти в КНР. Таким образом, перебои с поставками «черного золота» могут вызвать в Китае не только серьезные экономические трудности, но и практически полностью обесточить китайскую промышленность.

В этой связи Китай обеспокоен присутствием в Индийском океане ВМС США и Индии. С Индией у Китая остается неурегулированным пограничный спор, а отношения с США всегда были сложными. Во избежание катастрофических последствий от прекращения нефтяных поставок, Пекин стремится повысить уровень своего присутствия в водах Индийского океана.

Особенно важным партнером для Китая становится Пакистан, с которым начата реализация двух масштабных проектов – строительство порта Гвадар, расположенного на берегу Аравийского моря в пакистанской провинции Белуджистан, и прокладка Торгово-энергетического коридора (ТЭК). Большую часть расходов на строительство порта Гвадар взяла на себя китайская сторона. В 2005 году была закончена первая фаза строительства, вторая фаза должна завершиться к 2010 году. Официально Гвадар должен стать торговым портом, однако, ряд экспертов из Индии и США полагают, что порт может быть превращен в военно-морскую базу КНР.

Второй проект непосредственно связан с первым. Его суть заключается в прокладке автомобильных и железных дорог, а также нефте- и газопроводов от порта Гвадар, через пакистанскую

территорию, до Синьцзяна, что должно образовать Торгово-энергетический коридор.

Каковы возможные результаты этих проектов в случае их реализации?

1. Китай сможет избежать высоких рисков при транспортировке нефти через Малаккский пролив.

2. Китай сможет контролировать прохождение своих грузов по Индийскому океану и своевременно реагировать на любые угрозы.

3. Также он сможет снизить свою зависимость от Индии, США и ряда стран ЮВА, ответственных за безопасность морских путей Индийского океана.

4. Китай получит альтернативный сухопутный путь, безопасность которого гарантируется пакистанской стороной, вот уже более 50-ти лет находящейся в дружественных отношениях с Пекином.

5. ТЭК сможет связать Китай не только со странами – экспортерами нефти, но и с богатым газом Ираном, который будет использовать ТЭК для транзита газа в Китай.

С.С.Никоян

(УрГУ, Екатеринбург)

Опыт анализа «биографии» кочевника: шаньюй Маодунь в «Сюнну ле чжуань» (Сыма Цянь, «Ши Цзи)

Жизнеописание Маодуня составлено в весьма уважительных тонах. Отмечаются дела шаньюя (успешные войны с соседями, «возвращение» земель, отобранных у сюнну ханьцами¹), характеризующие его как храброго полководца. Казни тех, кто отказался выполнить его приказ, приветствуемая с точки зрения легизма, не находит осуждения у историка. Более того, он утверждает, что благодаря таким действиям его подданных «стало возможно использовать»², что является *конфуцианской формулой*.

На одобрение действий Маодуня повлияло, вероятно, даосское сознание Сыма Цяня. Исследователи отмечают, что историограф допускал «пренебрежение истинной справедливостью» ради достижения каких-то целей³. Если учесть, что «особые обстоятельства» (плен в соседнем государстве и угроза жизни) у Маодуня были, то здесь,

---

¹ Сыма Цянь. Ши цзи. Гл. 110. // EAstudies.ru.

² Сыма Цянь. Там же. //EAstudies.ru.

³ Кроль Ю.Л. О любви Сыма Цяня к необычному// 13-я научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1982. С. 79–82.

скорее всего, и вступила в действие даосская сторона взглядов Сыма Цяня. К тому же эпизод с казнями в биографии шаньюя параллелен эпизоду из биографии полководца Сунь-цзы. Оценка, данная генералу («в состоянии использовать войска на деле»)¹ через параллелизм эпизодов как бы переносится на Маодуня. Параллелизм свидетельствует о том, что в идеях Сыма Цяня воин-«варвар» и воин-ханец практически не различались. О намеренности введения этого параллелизма говорит то, что Сыма Цянь не мог иметь достоверных сведений о событиях, по которые писал, и скорее всего искусственно создал рассказ.

Не осуждается шаньюй и за применение «военной хитрости» против императорских войск в Пинчене². Отсутствие осуждения соотносится с даосскими взглядами историка, и, вероятно, с тезисом Сунь-цзы: «Война – путь обмана»³. Второе свидетельствует в пользу уподобления образов генерала и шаньюя.

Кроме положительных оценок, встречаются и осуждения в адрес Маодуня: отмечается факт отправки «оскорбительного письма»⁴ императрице Гао-хоу. Но данный момент почти единичен.

Нужно сказать, что к шаньюю применялось понятие *сянь* – «мудрый». В «Ши цзи» и «Мэн-цзы» это понятие употреблялось также в контекстах «уединенный мудрец», «самый достойный (умный) наследник», «достойный чиновник»⁵. Применение термина *сянь* по отношению к правителю «варваров» говорит об огромном уважении к нему.

Подобный характер жизнеописания Маодуня во многом является продуктом недогматичности мировоззрения Сыма Цяня и даосской направленности его взглядов.

Одзава Соноко

Doshisha University (Киото, Япония)

Религиозная политика в Маньчжоу-го в отношении Православной церкви

Маньчжоу-го было японским марионеточным государством, образованным в 1932 году за счет силового вторжения Квантунской армии, которая являлась подразделением армии Японии. Управление этой страной производилось через национальные японские компании,

---

¹ Сыма Цянь. Ши цзи. Гл. 65. //EAstudies.ru.

² Сыма Цянь. Ши цзи. Гл. 110. //EAstudies.ru.

³ У-цзин. Семь военных канонов Древнего Китая. СПб., 2001. С. 200.

⁴ Сыма Цянь. Там же. //EAstudies.ru.

⁵ Цитаты из текстов по изданию: Крюков М.В. Хуан Шу-ин. Древнекитайский язык. М., 1978. С. 236, 241.

которые руководили ЮМЖД. В Манчжоу-го жило много русских белых эмигрантов. Это были представители русской эмиграции, переселившиеся в Манчжурию в период с 1896 года, когда был заключен «Союзный договор между Российской империей и Китаем», по 1920 год, когда Временное правительство А.В. Колчака совершило фатальную ошибку. В то время Япония, грезившая идеей «Великой восточноазиатской сферы процветания», базировавшейся на Государственном синто, проводила религиозную политику принуждения исповедовать синто как внутри самой Японии, так и в ее колониях, и политику интеграции религиозных групп. Однако, в отношении представителей российской белой эмиграции, исповедовавших православие, независимо от их гражданства и места службы, проводилась иная, более терпимая политика. Это очевидно, исходя из ситуации вокруг образования, на которое влияла русская православная церковь, благотворительности, отправления заупокойных церемоний. Нас интересует вопрос, почему Японии вела особую терпимую политику в отношении православных русских белых иммигрантов, не учитывая собственную антикоммунистическую политику и подданство русских в Манчжоу-го.

Е.В.Половникова

(НГУ, Новосибирск)

***Японские словари, составленные по принципу «ироха»
в эпоху Эдо (1600 – 1868)¹***

До начала XX в. алфавитный порядок *ироха* часто использовался для обозначения заглавных знаков в словарях и справочниках. Наиболее известным словарем, где лексика располагалась в соответствии с этим порядком, явился трехтомный иероглифический словарь середины XII в. «Ироха-дзируйсё:», «Словарь, построенный по принципу *ироха*», составленный Татибана-но Тадаканэ. Позднее, с середины эпохи Муромати (1333–1573) появляется целая серия таких словарей – словари «Сэцуё:-сю:» («Словарь по разделам»). При этом, со времени своего создания и на протяжении эпохи Эдо (1600–1868 гг.), когда появились всевозможные вариации данных словарей, «Сэцуё:-сю:» претерпевали ряд изменений.

Так, в XVII в. главной особенностью словарей становится параллельное указание уставного и скорописного написания иероглифических знаков, а также размещение комментариев к словам в верхней трети страницы. Применительно к словарям, изданным в XVIII в., можно отметить два новых изменения. С одной стороны,

---

¹ Работа выполнена по программе Рособразования, проект РНП 2.2.1.1.2183.

расширяется объем приложений (таблицы иероглифических ключей, хронология эпохи, различные карты и т. п.), которые даются как в конце словаря, так и в начале тома и в верхней трети каждой страницы вместо комментариев к отдельным словам. С другой стороны, активно апробируются новые принципы расположения слов внутри разделов и подразделов (по начальным или по конечным знакам, по наличию озвончения и пр.). В XIX в. в основном продолжается развитие тенденций, заложенных в предыдущие периоды, но стоит отметить появление изданий с цветными иллюстрациями. В последующие эпохи, после реставрации Мэйдзи, словари «Сэцуё:-сю:» продолжают издаваться, однако новых тенденций в их оформлении и содержании не появляется.

Словари «Сэцуё:-сю:» эпохи Эдо по сути являлись не только иероглифическими словарями, но их можно назвать словарями энциклопедическими, где приводятся множество полезных знаний: географические карты, различные руководства (например, по чайной церемонии, по игре в *го* и *сё:ги* и т. д.). Претерпевая постоянные изменения на протяжении двух веков, словари «Сэцуё:-сю:» занимали важное место среди других словарей японского языка.

А.М.Редько

(НГУ, Новосибирск)

Место антологии «Сто стихотворений ста поэтов» в духовной и бытовой культуре Японии¹

В ряду проблем отечественного востоковедения задача изучения японской антологии XIII в. «Сто стихотворений ста поэтов» («Хякунин-иссю») и одноименной карточной игры представляется весьма актуальной.

Эта игра издавна пользовалась популярностью во всех слоях японского общества, продолжая до сих пор оставаться в повседневной культуре. Будучи по своему характеру элитарной интеллектуальной игрой, к настоящему времени она обретает черты настоящего спортивного состязания: в канун нового года по всей Японии проводятся турниры разного уровня по игре в карты *хякунин-иссю-карута*.

Относительно истории появления и развития феномена, связанного с распространением поэтических карт по всей территории Японского архипелага, в настоящее время существует несколько гипотез.

---

¹ Работа выполнена по программе Рособразования, проект РНП 2.2.1.1.2183.

Предполагается, что развитие самых ранних карт было связано с играми с морскими ракушками *каи-оои* («накрывание раковин») эпохи Хэйан и пришедшей ей на смену игрой в «раковины со стихами» *утагаи*. Это определило характер игрового инструментария: пятистишие *танка* изображалось на двух половинках раковин. С появлением на архипелаге первых европейцев раковины стали по примеру западных заменять бумажными картами, но по традиции поэтические карты содержат две части, соответствующие началу и окончанию стихотворения.

Карты «Хякунин иссю» продолжают развитие издавна существовавшей в японской культуре фольклорной традиции и соединяют в себе черты поэзии *вака* и элементы устной литературы. Среди литературных развлечений в мире больше нет примера подобной игры, построенной на поэтическом языке *вака*, поэтому ее феномен особо интересен.

Карты «Хякунин иссю» возвращают современное общество к истокам японской культуры. Поэтому дальнейшее изучение антологии «Хякунин иссю» и составленных по ней поэтических карт представляется необходимым – особенно в плане анализа ее взаимосвязей с традициями функционирования устной литературы в Японии.

М.Н.Самойлова
(ВФ СПбГУ)

Деятельность японского капитала в странах Центральной и Восточной Европы на рубеже XX – XXI веков

На рубеже XX – XXI вв. страны региона Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) привлекают все большее внимание со стороны иностранных инвесторов, в частности, японских компаний.

История присутствия японского капитала в Европе насчитывает более четырех десятилетий. Однако инвестирование в страны ЦВЕ стало заметным лишь с начала 90-х годов XX века. Это связано с политическими и экономическими изменениями, а также с вступлением восьми государств ЦВЕ (Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Чехия и Эстония) в Европейский Союз в мае 2004 года. В 2007 году в странах ЦВЕ насчитывалось 239 предприятий с участием японского капитала.

Основными причинами привлекательности стран ЦВЕ для японских инвесторов следует признать относительно дешевые факторы производства, достаточно развитую инфраструктуру, растущий уровень

квалификации рабочей силы при ее сравнительно низкой, в рамках Европы, стоимости. Необходимо также отметить относительно высокие темпы развития экономик стран ЦВЕ, а также их достаточно высокий технологический уровень. В последнее десятилетие развивается законодательство, направленное на улучшение условий для иностранных инвесторов. Кроме того, удобное расположение стран ЦВЕ по отношению к рынкам сбыта играет значительную роль при принятии японскими компаниями решения о размещении производства на территории стран ЦВЕ.

Наиболее активный приток японского капитала наблюдается в трех странах региона: Польше, Чехии и Венгрии. Тем не менее, в связи с постоянным увеличением уровня заработной платы в этих странах в последние годы, в ближайшем будущем возможно смещение приоритетов японских инвесторов в сторону таких государств, как Словакия и Румыния.

Отраслевая структура японских инвестиций в странах ЦВЕ относительно однородна. В основном речь идет об инвестициях в производство. Доминирующими отраслями являются автомобилестроение, электронная и электротехническая промышленность.

Необходимо также заметить, что большинство японских компаний, инвестирующих в рынок стран ЦВЕ, ранее уже присутствовали на западноевропейских рынках.

Прослеживается продуманная стратегия освоения японскими компаниями европейского рынка. Поскольку капиталовложения одной японской компании, в силу специфики национальной бизнес-культуры, часто сопровождаются приходом на рынок ряда других, аффилированных с ней компаний, можно сделать вывод о значительных перспективах восточноевропейского направления японских инвестиций.

*С.А.Селиванова
(ХНПУ, Харьков)*

*Японская национальная письменность кана и формирование
японской национальной литературы*

Китайское иероглифическое письмо и основанная на ней китайская лексика вошла в японский язык, когда в Японии уже была сформирована единая языковая система на основе исконно японской лексики. На этом фоне становились понятны не только культурные отличия китайской лексики от японской, но и отличия в грамматическом строе. Это привело к тому, что японский язык

неизбежно стал проникать в письменную речь. Это было продиктовано необходимостью отразить на письме грамматический строй японского языка (служебные слова и связки, спряжение глаголов) и исконно японскую лексику, с помощью которой японцы выражали тонкие нюансы своих чувств и мыслей. С этой целью они заимствовали из корейского языка основанную на китайской иероглифике силлабическую письменность иду, приспособив ее к фонетической системе японского языка того времени. Эту письменность японцы стали называть манъёганой, так как она впервые во всей своей полноте была реализована в первой национальной поэтической антологии «Манъёсю» (VIII в.). Кроме того, ее успешно применили в естественно-географических описаниях провинций «Фудоки» и исторической хронике «Кодзики» для записи топонимов и антропонимов.

Японские национальные силлабические письменности хирагана и катакана возникли вследствие ограничения численности знаков манъёганы и упрощения их начертаний. Поскольку хираганой записывались стихи вака, в течение IX – нач. X вв. она прошла тот же тернистый путь, что и сама поэзия вака. На примере произведений японской классической литературы периода Хэйан анализируются этапы становления хираганы.

Катакану, которую первоначально употребляли в качестве помет кунтэн в текстах камбуна, в 1-й пол. X в. стали употреблять в качестве национальной письменности. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры произведений буддийского содержания, в которых она уже употребляется как самостоятельная письменность.

Таким образом, с начала X в. хирагану и катакану стали широко использовать в литературных произведениях различного содержания, а это время можно считать эпохальным с точки зрения истории письменности и японской национальной литературы.

М.В.Семенова

(НГУ, Новосибирск)

Писатель Таяма Катай и японский натурализм¹

В начале XX в. литература Японии вступила в новую фазу своего существования. Это было время обновления всей художественной традиции, поиска новых тем, образов и средств выразительности. Одним из самых сильных новых литературных направлений был натурализм (*сидзэнсюги*).

---

¹ Работа выполнена по программе Рособразования, проект РНП 2.2.1.1.2183.

Японский натурализм принято делить на два этапа. Первый этап был ученическим, подражательным. Японские писатели копировали произведения западной литературы, особенно часто – произведения Эмиля Золя. Второй этап – время отхода от традиций европейского натурализма, формирование новой теоретической базы течения. Наиболее значимыми авторами натурализма на данном этапе становятся такие писатели, как Симадзаки Тосон, Куникада Doppo и Таяма Катай.

В японских исследовательских кругах принято считать, что в творчестве Таяма Катай проявляются оба этапа. В качестве «поворотного момента» исследователями называются разные произведения. Нам представляется, что процесс столь серьезной трансформации был не одномоментным, поэтому необходимо проследить признаки и причины перехода от раннего этапа натурализма к позднему на примере творчества Таяма Катай.

Характерными чертами раннего периода натурализма в творчестве Таяма Катай является утверждение всемогущего влияния наследственности и среды на поступки человека, статичность характеров персонажей, переизбыток описания мельчайших подробностей их чувств. Признаками второго этапа в творчестве Таяма Катай являются преобладание косвенных, неявных методов выражения чувств человека, описание изменений во внутреннем мире персонажей, их личностное развитие. Причины данного перехода можно разделить на внешние (русско-японская война) и внутренние (естественный процесс развития литературы, синтез европейской и собственно японской художественных традиций). Понимание этого перехода необходимо для изучения процесса адаптации литературы одной художественной традиции в иной культурной среде, что позволит нам углубить знания о мировом литературном процессе.

А.А. Сизова
(ВФ СПбГУ)

Ламрим Гампопы в монгольской литературной традиции

Образцы жанра ламрим, которые в тибетской канонической литературе входят в более обширную группу, имеющую общее название «литературы духовного пути», описывают три этапа пути, через которые надлежит пройти адепту. На первом этапе человек стремится к лучшему перерождению, на втором – к собственному освобождению, и, наконец, подходит к вершине буддийского пути Махаяны – деятельности бодхисаттвы на благо всех живых существ.

Ламрим Гампопы «Драгоценное украшение освобождения» является основным сочинением подобного рода для школы Кагью.

В оригинальном тибетском сочинении изложение материала опирается на шесть аспектов:

1. причина – природа Будды (скр. *tathāgatagarbha*);
2. основа – человеческое тело;
3. сопутствующее условие – духовный наставник;
4. средства достижения – наставления;
5. результаты – состояние Будды;
6. деятельность на благо всех живых существ после достижения пробуждения.

Текст разделен на 21 главу, предваряется вступительной формулой поклонения, завершается словами восхваления и благопожелания, строго и последовательно организован по принципу перечисления аспектов пути адепта и дальнейшего их разъяснения, зачастую с привлечением цитат из других буддийских сочинений.

В фонде монгольских рукописей и ксилографов восточного факультета СПбГУ в коллекции Попова находится рукопись сокращенного перевода ламрима Гампопы на монгольский язык под названием «Украшение освобождения» (монг. *Toniḷqu-yin ṣimeg*). Рукопись формата бодхи состоит из 33 страниц среднего формата.

Основываясь на результатах сравнения текста данного сочинения с тибетским оригиналом, можно сказать, что при составлении сокращенного перевода ламрима далеко не всегда соблюдалась построенная Гампопой структура изложения, и соответственно, основным фактором сохранения либо исключения материала являлся его характер. Создание этой сокращенной редакции преследовало, по всей видимости, практические цели, а именно – дать читателю краткое представление о картине буддийского пути.

М.О.Смирнова
(ВФ СПбГУ)

«Драгоценный венок благих изречений» – комментарий к тибетскому грамматическому трактату «Сумчупа»

В основе тибетской грамматической традиции (тиб. *sum rtags*) лежат «Сумчупа» (тиб. *sum ci pa*) и «Тагкичжугпа» (тиб. *rtags kyi 'jug pa*), авторство которых, как и создание тибетского письма, приписывается Тхонми Самбхоте, советнику основателя тибетского государства царя Сонгцэн Гампо (VII в.), а также многочисленные комментарии к этим сочинениям.

Одним из первых комментариев к «Сумчупе» и «Тагкичжугпе», введенных в научный оборот на Западе, стал «Драгоценный венок благих изречений» – комментарий к основополагающим текстам

«Сумчупа» и «Тагкичжугпа» (тиб. *sum rtags gzhung mchan legs bshad nor bu'i phreng ba zhes bya ba bzhus so*), опубликованный и исследованный французским тибетологом Ж.Бако в 1928 г.

Имя автора комментария неизвестно, однако по косвенным данным исследователи датируют его XVIII–XIX вв.

«Драгоценный венок благих изречений» относится к типу комментариев *mchan 'grel*, где пояснения (синонимы, развернутые определения, уточнение значения терминов посредством добавления зависимых слов) вставляются непосредственно в текст комментируемого сочинения, благодаря чему структура комментария в целом повторяет структуру «Сумчупы» и «Тагкичжугпы».

Так, в первой части «Драгоценного венка благих изречений», посвященной «Сумчупе», как и в комментируемом тексте, выделяются три раздела: фонемы тибетского языка; грамматические показатели; важность изучения грамматики.

Приемы комментирования обусловлены краткостью исходного сочинения и его структурными особенностями. Описание грамматических показателей следует схеме: 1) общая модель образования показателя с указанием его значения/значений; 2) перечисление морфонологических алломорфов и правил их употребления; 3) примеры употребления показателей; 4) краткая формулировка правил (тиб. *sdom*).

При описании функций падежных показателей автор комментария в основном следует традиции индийской падежной грамматики.

М.А.Солощева
(ВФ СПбГУ)

Реформа управления в Тибете в 1751 г.

1. Характеристика положения Далай-ламы к 1750 г.

Вспыхнувшее в Лхасе в 1750 г. антикитайское восстание, сопровождавшееся убийством китайских наместников амбаней, вынудило Пекин предпринять неотложные меры для обеспечения стабильности в Тибете. Управление Тибетом находилось под контролем Китая начиная с 1720 г., когда Далай-ламе были даны полномочия духовного лидера, однако светская власть ему не принадлежала. После окончания гражданской войны 1727–1728 гг. Далай-лама был выслан из Лхасы и находился в ссылке до 1735 г. Во время мятежа в Лхасе 1750 г. Далай-лама доказал свою лояльность по отношению к Китаю и способность контролировать ситуацию в Тибете. Среди других факторов, повлиявших на его назначение светским правителем, были ослабление Джунгарского ханства, а также

личное влияние джанджа-хутухты Ролби Дордже, написавшем впоследствии биографию Далай-ламы VII.

2. Полномочия Далай-лам согласно указу 1750 г.

Решения по всем важным вопросам, выносимые министрами, должны были утверждаться Далай-ламой, он назначал местных правителей и командующих армией. Однако постоянные императорские резиденты, амбани, тем не менее контролировали ситуацию, и все действия Далай-ламы могли быть предприняты только при их одобрении.

Являясь, согласно императорскому указу, духовным и светским лидером, реально Далай-лама VII не обладал всей полнотой власти (которая была у Далай-ламы V).

3. Содержание реформы управления.

Была разработана «Программа для новой администрации Тибета» из 13 пунктов. Наиболее важными из них стали окончательное упразднение должности «деси» (регента) и учреждение Кашага – совета, состоявшего из четырех калонов (министров), один из которых должен был быть монахом, а трое остальных – светскими лицами. Возглавляли Кашаг совместно Далай-лама и амбани, которые считались равными по положению. Также был учрежден Йигцзан – Великий секретариат, ставший высшим органом власти наравне с Кашагом. Он состоял из четырех монахов. Калоны назначались Далай-ламой пожизненно и давали ему клятву верности. В тех случаях, когда чиновник не мог решить дело в сфере управления, которую он курировал, оно поступало для окончательного решения в Кашаг. Также реформа предусматривала создание тибетской армии. В провинции Уй разместили гарнизон из 1000 тибетских солдат, в Цзане – из 2000. Цинский гарнизон в Лхасе, подчинявшийся только амбаням, был увеличен до 1500 человек.

Эта система управления просуществовала до 1792 года, когда была проведена новая реформа.

Н.В. Спирягина
(УрГПУ)

Борьба женщин в придворных кругах за власть в эпоху Тан (на примере У Цзетянь и императрицы Ван)

Целью данного небольшого исследования является показать борьбу У Цзетянь и императрицы Ван за власть, а также проследить последствия этой борьбы как для самих женщин, так и для империи.

«Book of Tang»¹ («Цзю тан шу») сообщает о том, как Ван

---

¹ Empress Wang (Gaozong) // New Book of Tang, vol. 76 [Электронный ресурс] // Режим доступа: [http://en.wikipedia.org/wiki/Empress_Wang_\(Gaozong\)](http://en.wikipedia.org/wiki/Empress_Wang_(Gaozong)).

уговорила императора Гаоцзуна взять У своей наложницей, не зная, что это кончится смертью не только для самой императрицы Ван, но и создаст угрозу для существования династии Тан. Сначала давайте поясним причины поступков императрицы Ван. После того как она была провозглашена императрицей, она столкнулась с первыми трудностями. Они были связаны с неспособностью родить императору наследника. В этом случае необходимо было избавиться от главной конкурентки – наложницы Сяо. Так, в стремлении заменить Сяо, императрица Ван представила императору Гаоцзуну наложницу У. Впоследствии он был ею очарован, а императрица и Сяо потеряли благосклонность императора.

В 654 году наложница У родила дочь, но после того как императрица Ван навестила ее, девочка была найдена мертвой. Тогда Ван обвинили в ее смерти. Однако не стоит забывать о невероятной жестокости У Цзетянь – вполне возможно, что убийство совершила сама У, в стремлении обвинить в этом Ван и навсегда устранить ее как соперницу. Через шесть дней после смещения императрицы Ван, наложница У стала императрицей. Ван и Сяо были заключены внутри дворца. Вскоре после того как император посетил их, императрица У прознала об этом, пришла в ярость и приказала побить палками Ван и Сяо по сто раз и отрезать им кисти рук и ступни. Затем она поместила их в большую винную бочку со словами: «Пусть эти две ведьмы будут выпиты своими костями». Но наложница Сяо прокляла У: «У – это коварное чудовище. Пусть будет так, чтобы я в следующей жизни была кошкой, а она – мышью, чтобы я могла драть ей глотку».

Когда же У прознала о проклятии Сяо, она запретила держать кошек во дворце, но впредь ей часто грезилась императрица Ван и наложница Сяо с лысыми головами и кровоточащими конечностями, пришедшие, чтобы убить ее. Позже она переехала в соседний дворец, но видения ее не покидали, в конце концов она провела большую часть своей жизни в восточной столице Лоян, а не в Чанъани, где произошли эти события.

Так одна женщина, пожелавшая устранить другую, навлекла на себя еще большие неприятности. А впоследствии и лишилась жизни в погоне за властью. А императрица У совершила свои злодеяния и убийства, стремясь сохранить свою власть, но в итоге потеряла покой на всю жизнь. Женщина, которая не чтит традиции и завоевывает власть, обрекает на страдания не только себя, но и всю империю в целом. В такое время империя характеризуется нестабильностью, ведь правители больше заняты переделом власти, а не регулированием политических и экономических дел в империи.

***Е. Старовойтова
(ВФ СПбГУ)***

Новый этап в отношениях КНР со странами Латинской Америки

В 2001 г. Цзян Цзэминь совершил 13-дневный визит по странам Латинской Америки, что заложило основу для начала нового этапа в отношениях между двумя сторонами. Мы становимся свидетелями заметного повышения интереса КНР к странам Латинской Америки и Карибского бассейна в XXI веке.

Это можно объяснить стратегическими планами КНР по созданию многополярного мира. Китай, чья экономическая и военная мощь заметно возросли за последние годы, обзаведясь союзниками в Латинской Америке, становится кандидатом на роль нового глобального центра, создав конкуренцию США.

Сегодня ВСНП поддерживает тесные контакты с парламентами многих латиноамериканских стран. КНР выступает в качестве наблюдателя в Организации Американских Государств и Латиноамериканском парламенте.

Власти КНР уверяют, что развитие отношений между регионами не имеет идеологической окраски и не направлено против третьих стран, объясняя его развивающимся статусом обеих сторон.

Наиболее заметным в последнее время стало развитие торгово-экономических отношений между сторонами. Китай – третий по значимости торговый партнер стран Латинской Америки. Объем двусторонней торговли с 2001 г. рос в среднем на 30% в год и обещает превысить \$100 млрд. в 2010 г.

Основные торговые партнеры КНР в регионе – Бразилия, Чили, Аргентина, Перу и Мексика. Китай, прежде всего, нуждается в природных ресурсах Южной Америки – нефти, меди и железе. Основную долю экспортируемых КНР товаров составляют электрические приборы, тканая и вязаная одежда, компьютерная техника.

КНР активно расширяет военные связи с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна. В докладе сенату США, представленном в марте 2006 г. командующим военными силами США в Латинской Америке генералом Крэдкоком, сказано, что китайское военное присутствие в регионе постоянно растет, все больше государств региона обращаются к КНР с просьбами о проведении совместных военных учений.

Среди иных причин расширения связей между КНР и странами Латинской Америки и Карибского бассейна – наличие в регионе стран,

поддерживающих официальные дипломатические отношения с Тайванем.

Обнародованное МИДом КНР в ноябре 2008 г. официальное заявление под названием «Политика КНР в отношении стран Латинской Америки и Карибского бассейна» подтверждает высокую заинтересованность руководства страны в дальнейшем развитии и расширении отношений между регионами.

Можно предположить, что КНР, воспользовавшись ослаблением США в связи с мировым экономическим кризисом, постарается наладить еще более тесные контакты в различных сферах со странами региона.

С другой стороны, обе стороны слишком зависимы от США, прежде всего экономически, чтобы создавать альянсы, нацеленные против североамериканских интересов.

О.В. Степанова
(НГУ, Новосибирск)

Художественный мир Ёкомицу Риити в контексте эстетических принципов неосенсуализма¹

В начале XX в. модернизм на Западе формируется в художественную систему.

В Японии в 1924–1930 гг. в основном благодаря переводам европейской литературы возникает школа *синканкакуха* (от *синканкаку* – «новое ощущение»), которую в русской традиции принято называть школой неосенсуалистов. Данная школа представляет собой одно из направлений японского модернизма.

Теоретической основой школы стал манифест Ёкомицу Риити «Теория неосенсуализма», где автор как приверженец «чистой литературы» провозгласил своими принципами «искусство ради искусства» и идеи формализма. Новаторством стала идея о том, что для выражения мыслей и ощущений важны слова и ритм – отсюда эксперименты со стилем и языком. Словотворчество приводит к изобретению новых художественных приемов, один из которых – *дзэ:кэй бэ:ся* («принцип скрытого изображения»).

Своеобразие этого приема заключается в минимальном использовании слов и изобразительных средств для стимулирования воображения читателя и выработки как можно более субъективного понимания текста. Поскольку человек осмысливает не мир, а свое восприятие мира, художественное творчество отражает не объективную

---

¹ Работа выполнена по программе Рособразования, проект РНП 2.2.1.1.2183.

реальность, а лишь субъективные ощущения. Ёкомицу обращается к внутренней жизни героев; движение их мыслей передается в «потоке сознания» (мысли возникают одновременно и не выстраиваются в цепь последовательно и связно). Язык произведений также отличается не только отрывочными фразами, но и «скачками» от одного высказывания к другому.

Таким образом, в литературе Японии во многом благодаря деятельности школы неосенсуалистов и, в частности, Ёкомицу Риити появилось новое направление. После распада *синканкакуха* на ее месте появляются новые школы: *сингэйдзюцуха* («школа нового искусства»), *синсинрисюги* («школа неопсихологизма»), вследствие чего модернизм укрепляет свои позиции в Японии.

А. Столяров

(Восточный институт, СПб)

Военный трактат «36 стратагем» как «модель» борьбы за власть китайских династий Мин (1368 – 1644 гг.) и Цинь (1644 – 1911 гг.)

Предметом моего доклада является китайский военный трактат «36 стратагем». Данный текст с весьма загадочной историей имел хождение в тайных обществах Китая конца династии Мин – начала династии Цинь (XVII век), а в XX веке приобрел большую популярность в широких читательских кругах далеко за пределами Китая. В Европе этот текст стал известен благодаря исследованию швейцарского синоведа Харро фон Зенгера. Исследователь рассмотрел ключевое понятие текста – «цзи» как «стратагему», по значению схожее с военными хитростями, собранными в сборнике древнеримского военного и административного деятеля Секста Юлия Фронтинуса (около 35 – 103 гг. н.э.) «Stratagemata». Полный перевод текста «36 стратагем» на русский язык был выполнен отечественным синоведом В.М. Малявиным.

В отличие от Зенгера, который осуществил частичный перевод трактата, Малявин перевел не только основной текст, т.е. формулировки стратагем, но и краткие разъяснения принципов каждой стратагемы, а также цитаты из китайского канона «И-цзин», раскрывающие смысл стратагем и содержащие указания на исторические случаи их применения. Однако Малявин, как и Зенгер, изначально рассмотрел стратагемы, только как сборник военных хитростей.

Если рассматривать все 36 стратагем в их взаимосвязи, можно прийти к выводу о цельности и неделимости данного текста, по нашему мнению, представляющего собой «модель» борьбы двух династий за власть в Китае. Судя по времени создания текста, речь идет о

возрождении династии Мин (1368 – 1644 гг.) и свержении династии Цинь (1644 – 1911 гг.). Возможно, что данная мысль выражена в тексте через динамику взаимопревращения победы и поражения, единения и противостояния, борьбы хаоса и порядка. Данное заключение следует из проделанного текстологического анализа взаимосвязи стратагем – «цзи» и позволяет расширить трактовку этого понятия, характерного для древнекитайских военных и политических текстов.

О.С.Туйчиева
(ТашГИВ Ташкент)

**«Джавахир ал-аджайиб» как тазкире, посвященное женщинам-
поэтессам**

Персидские антологии-тазкире, как известно, представляют большую ценность для изучения истории региона в целом и жизни средневековых литераторов и ученых в частности. «Джавахир ал-аджайиб» является одним из наиболее интересных тазкире в персидской литературе, поскольку это произведение позволяет нам лучше узнать о жизни и творчестве персидских поэтесс классического периода. От других тазкире своего времени оно отличается большим объемом информации о жизни поэтесс, занимающих важное место в истории персидской и тюркской литератур. На создание этой антологии ее автора Фахри вдохновило стихотворение поэтессы Мехри, написанное в ответ на произведение Хафиза. «Джавахир ал-аджайиб» послужило образцом для таких авторов антологий, как Сайид Мухаммад Сиддик Бахадир, Мухаммад Зехни, Саид Али Хасанхан и др.

В докладе будут изложены сведения тазкире о персидских поэтессах и проанализирована их роль в классической персидской литературе.

А.А.Туранская
(ВФ СПбГУ)

**Монгольский сборник садхан пяти дхармапал (из собрания
рукописного фонда библиотеки Восточного факультета СПбГУ)**

Садханы – это ритуальные тексты сводного характера, которые помимо описания самого ритуала (а точнее, медитативных практик, облеченных в ритуальную форму) включают иконографические описания тех или иных божеств, хвалебные гимны и прошения этим божествам, описания ламских традиций передачи ритуалов и т. д. Эти сочинения относятся к одному из наиболее продуктивных

функциональных жанров тибетской и монгольской литератур средневекового типа и получили широкое распространение на территории Тибета и Монголии.

В Монголии языком буддийского ритуала был тибетский, на монгольский переводились лишь немногие ритуальные сочинения. В рукописном фонде библиотеки Восточного факультета хранится ксилографический монгольязычный сборник садхан пяти дхармапал (гневных божеств, охраняющих учение): Ямантаки, Махакалы, Ямы, Лхамо и Вайшраваны¹. Объем сборника составляет 126 л. среднего формата.

Сборник был издан в 1733 году и является переизданием текста, впервые отпечатанного ксилографическим способом по указу императора Канси в 1719 году.

Все сочинения, входящие в состав сборника, являются переводами с тибетского, осуществленными в XVII веке. Тибетские оригиналы сочинений носят компилятивный характер. В них вошли сочинения иерархов школы Гелуг, составленные в разное время, в период с XV-го по XVII век.

Структурно-композиционное строение садхан, входящих в сборник, во многом схоже и не зависит от божеств, которым они посвящены. Все они написаны в жестких рамках установленного канона и «сконструированы» из готовых композиционных и стилистических клише. Обязательными частями садхан являются описания подготовки ритуала, визуализации божеств, подношений, а также традиций передачи ритуалов.

В садханах содержатся ценные сведения о порядке проведения тантрийских ритуалов (необходимых для его исполнения предметах, последовательности произнесения мантр, совершении ритуальных действий (подношений, мудр и т.д.)), а также иконографии буддийских божеств и истории генезиса ритуала на территории Тибета и Монголии.

О.Шалимова
(ВФ СПбГУ)

К вопросу о структуре сложноподчиненных определительных предложений в современном монгольском языке

Конструкции, аналогичные индоевропейским сложным предложениям, в монгольском языке несомненно есть. Термин «сложное предложение» применяется для языков с зависимой

---

¹ Yamandaḡa mahagala erlig qaḡan ökin tngri dörben doḡsin sudur-un orosiba: (Сутра четырех дхармапал: Ямантаки, Махакалы, Ямы и Лхамо), Пек. ксил., Mong D–13 (Инв. 427).

предикацией условно. Он употребляется при описании синтаксиса европейских языков и подразумевает выполнение двух основных условий: финитное сказуемое должно быть в главной и зависимой части предложения; подлежащее должно быть оформлено именительным падежом в обеих частях предложения. В монгольском языке зависимое сказуемое выражено причастием, зависимое подлежащее часто стоит не в именительном падеже. В силу такой особенности языков с системой зависимой предикации оба условия в монгольском языке не выполняются. Но, за неимением иного, более подходящего термина, для описания сложных конструкций применяется термин «сложное предложение».

Мы рассматриваем в докладе структуру сложных предложений с придаточными определительными. Как и для обычного определения, для них характерно наличие «опорного» слова («определяемое имя» – ОИ).

Придаточное предложение при определяемом имени всегда своим ядром, структурным центром имеет причастие. Для структурного описания вводим понятие определительная причастная конструкция (ОПК). Под ней подразумевается либо одиночное причастие, стоящее при ОИ, либо причастие, имеющее при себе зависимые слова.

Наряду с ОПК при одном ОИ могут одновременно находиться несколько разнородных определяемых: прилагательные, числительные, местоимения. При этом существует определенный порядок расположения определений при ОИ: чем конкретнее и специфичнее описываемый признак, чем уникальнее характеристика, тем дальше отстоит определение от ОИ. В списке определений ОПК является самым конкретизирующим, поэтому она, как правило, отстоит дальше всех остальных слева от ОИ согласно общему для монгольского языка левоасимметричному порядку слов.

ОПК могут следовать одна за другой. Такие цепочки по своей структуре и степени зависимости от местоположения очень разнородны. Цепочки ОПК при общем ОИ мы условно делим их на две группы. 1) Конструкции, в которых две и более ОПК являются между собой равноправными. 2) ОПК, зависимые между собой по форме – те, в которых зависимость заключается в наличии одного общего слова.

Мы выделяем также структуры-«матрешки»: такие, в которых внутри одной ОПК может находиться одна или несколько других, относящихся к другому ОИ.

М.С.Яковенко
(НГУ, Новосибирск)

***Исследования по адаптации тайваньских аборигенов
к современным условиям¹***

Импульс к возрождению и исследованию культуры задан в значительной степени самими аборигенами (далее – *юаньчжуминь*, «коренные жители»). Наиболее известен Исак Афо (представитель *ами*), который занимается стереотипами образа тайваньских аборигенов. Но большинство исследований по современным проблемам *юаньчжуминь* написано китайскими и западными учеными.

Существует немало изданий по культуре *юаньчжуминь* и других народностей острова: «Изучение национальных меньшинств Тайваня», «Введение в культуру австронезийцев Тайваня» (под ред. Цзэн Сыци) и др. Описывая историческую перспективу, авторы захватывают и современный этап культурного развития *юаньчжуминь*. В работа Шэнь Цинсуна «Духовное и культурное развитие Тайваня» показана коренная культура как неотъемлемая часть тайваньской культуры, проиллюстрировано взаимное развитие и синтез традиций разных этнических групп.

На рубеже XX–XXI вв. в Китайской Республике принят новый либеральный курс в отношении аборигенов. В немалой степени за счет государственной финансовой поддержки развернуты исследования *юаньчжуминь* в области истории, этнологии, литературы, генетики и др. Такая активность вызвала интерес во всем мире, поскольку появилась возможность наблюдать попытки восстановления коренной культуры, включения *юаньчжуминь* в общекультурное пространство острова, обновления тайваньского социума. Многие исследователи (Ф. Аллио, М. Мунстэрджэлм, М. Руфольф и др.) активно изучают политические факторы, способствующие изменению статуса и сохранения культуры *юаньчжуминь*, новой роли аборигенов в жизни тайваньского общества. В последние 15 лет вышло много работ по проблеме адаптации *юаньчжуминь* к современному тайваньскому обществу. Плодотворность данного направления состоит еще и том, что материал исследований применим в компаративистских работах, а полученный опыт может использоваться для осуществления политики в отношении аборигенных культур в других странах.

---

¹ Работа выполнена по программе Рособразования, проект РНП 2.2.1.1.2183.

Н.В.Ямпольская
(ВФ СПбГУ)

Монголоязычные дидактические сочинения в рукописном фонде библиотеки Восточного факультета СПбГУ

В рукописном фонде библиотеки Восточного факультета СПбГУ хранится 53 дидактических сочинения на монгольском языке. Среди них – 12 вариантов знаменитого трактата тибетского ученого XIII века Сакья-пандиты «Субхашита» (монг. Subhāṣitaratnaniddhi), 3 текста на ойратской графике и 38 ксилографов и рукописей на старомонгольском письме, которые представляют особый интерес как малоисследованные образцы сочинений одного из наиболее продуктивных жанров монгольской литературы средневекового типа – *сургал* (монг. surḡal).

Объем этих текстов варьируется от 1 до 52 листов среднего монгольского формата, большинство текстов состоят не более чем из 10 листов.

Содержание источников позволяет разделить их на две тематические группы. К сочинениям первой группы можно отнести 24 текста, которые описывают морально-этические нормы в целом. Их содержание основано на разъяснении таких базовых понятий буддийской этики, как «десять черных грехов» (монг. arban qara nigül) и «десять белых добродетелей» (монг. arban ṣayan buyan), совершаемые на трех уровнях человеческой активности (монг. yurban egüden), деяния и их плоды (монг. üile-yin üre), ценность человеческого рождения (монг. erdeni-tü kümün-ü bey-e).

Вторая группа включает 14 текстов узкой тематики: 3 сургала о почтении к родителям, 7 сочинений о вреде водки, табака и азартных игр, а также 4 источника, посвященные менее популярным вопросам – употреблению в пищу мяса, поклонению субурганам и переписыванию священных книг. В таких сочинениях изложены подробные наставления на одну тему и почти не затронуты общие вопросы морали.

Композиционные особенности рассматриваемых текстов лишены единообразия, однако в их структуре можно выделить сходные элементы, такие как вопросно-ответная форма, деление на пункты, главы или разделы, в отдельных случаях – наличие сюжета с обрамлением.

Среди рассмотренных нами текстов нет сургалов, содержание которых ограничивалось бы рамками светской морали: большая часть сочинений имеет смешанную мирскую и духовную тематику в соответствии с учением о «двух законах» (монг. qoyar yosun). Однако

можно выделить ряд текстов, в которых содержатся наставления исключительно буддийского содержания.